

УДК 323.1

МОДЕЛЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ*

А.А. Горбунова, С.Г. Максимова, А.И. Попова

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: nastia_gorbunova@mail.ru, svet-maximova@yandex.ru,
mybanana666@gmail.com*

Представлены результаты построения модели этнической идентичности населения девяти приграничных регионов России на основе социологического исследования, проведенного в 2015–2017 гг. научным коллективом Алтайского государственного университета в Республике Карелия, Оренбургской области, Омской области, Алтайском крае, Новосибирской области, Республике Алтай, Амурской области, Еврейской автономной области и Забайкальском крае (n = 4437 человек в возрасте от 15 до 75 лет).

Предложенная модель этнической идентичности определяется социально-демографическими характеристиками личности, актуальным состоянием межэтнических отношений, эффективностью реализации государственной национальной политики в регионе проживания. Этническая идентичность может быть прямо измерена через выраженность ее компонентов: эмоционального, когнитивного и поведенческого; модель имеет одностороннюю казуальность, т.е. выраженность одного из индикаторов компонентов идентификации может привести к большей выраженности этнической идентичности.

Группировка регионов в зависимости от соотношения численности представителей разных этнических общностей позволила провести региональные сравнения. Результаты анализа предложенной модели позволяют сделать вывод о существовании межрегиональных различий в формировании этнической идентичности в регионах с разным этническим составом населения.

Ключевые слова: этнос, этническая идентичность, межэтнические отношения, государственная национальная политика, приграничный регион.

* Публикация подготовлена в рамках выполнения Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации «Социальные риски и безопасность в условиях трансформации миграционных процессов в азиатском приграничье России № 14.Z57.18.6535 –НШ, 2018-2019.

THE MODEL OF ETHNIC IDENTITY OF POPULATION FROM BORDER REGIONS OF RUSSIA

A.A. Gorbunova, S.G. Maximova, A.I. Popova

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: nastia_gorbunova@mail.ru, svet-maximova @yandex.ru,
mybanana666@gmail.com*

The article presents the results of ethnic identity modeling, based on the data from sociological surveys in 9 border regions of Russia (Republic of Karelia, Orenburg oblast, Omsk oblast, Altai krai, Novosibirsk oblast, Republic of Altai, Amur oblast, Jewish autonomous oblast and Transbaikalian krai) conducted in 2015-2017 by the group of scientists from the Altai State University (n= 4437, aged from 15 to 75 years). The proposed model is defined by socio-demographic characteristics, actual state of inter-ethnic relations, effectiveness of realization of State policy on nationalities in the region.

The ethnic identity is measured directly through its emotional, cognitive and behavioral components; the model has unidirectional causality, that is the extent of each component can lead to an increase in ethnic identity expression. The grouping of regions based on differences in proportions of ethnic groups allowed to fulfil regional comparisons. The analysis of the proposed model shows that inter-regional differences in ethnic identity formation are largely connected with ethnic composition of the region.

Keywords: *ethnos, ethnic identity, inter-ethnic relations, State Policy on Nationalities, border region.*

Введение

Этническая идентичность считается одной из важнейших характеристик этнической общности, обеспечивающих формирование и функционирование этноса. Повышение интереса к этнической принадлежности часто связывается с происходящими во всем мире процессами глобализации, проводящими к формированию различных альянсов между странами и усложнению их этнического состава. В связи с чем появляется необходимость разработки механизмов интеграции разных культур и этнических групп в границах одной территории. Примерами таких практик являются американский опыт «плавильного котла», европейская политика мультикультурализма, формирование единого советского народа в СССР и пр.

Создание и изменение границ тех или иных территорий, интенсификация миграционных процессов во всем мире не может не сказаться на взаимодействии и самоощущении людей. В этой связи современное общество часто связывают с поиском или кризисом идентичности.

В научной литературе представлены многочисленные исследования соотношения разных типов идентификации, в первую очередь национальных (гражданских), этнических, региональных и других, которые в целом определяются, как тер-

риториальные идентичности (Maximova et al, 2016; Hansen & Hesli, 2009; Cebotari, 2016; Waechter, 2016), а также изучение новых типов идентичностей таких как европейская (La Barbera & Capone, 2016).

Вместе с тем поликультурная среда оказывает существенное влияние на формирование идентичности. В этой связи широкое распространение получила идея множественной идентичности, основанной на синтезе частных и порой разноплановых аспектов идентификации. Так, в исследовании Lazić & Pešić (2016) национальная идентичность рассматривается как совокупность культурных, аскриптивных (ascriptive) и гражданских компонентов. Согласно модели двух измерений Berry (1997: 9) в этнически смешанной среде этническая идентичность может формироваться по типу: идентификации со своей этнической группой (сегрегация); идентификации с чужой этнической группой (ассимиляция); идентификации со своей и другой этнической группой (интеграция); или маргинальной идентичности (отказ от идентификации со своей или другой этнической группой). Вслед за Berry, Hansen & Hesli (2009), Cebotari (2016) по этому принципу рассматривают варианты соотношения гражданской и национальной идентичностей — выраженную гражданскую идентичность при невыраженной этнической, выраженную этническую идентичность при невыраженной гражданской, гибридную (сочетание обоих типов), расплывленную (atomised) (негативные чувства к этнической и национальной принадлежности).

Однако в каком бы соотношении ни находились отдельные типы идентификации по территориальному признаку, этнический компонент самоидентификации остается и сегодня достаточно сильным, в особенности для иммигрантов первого и второго поколения. Более того, доказано, что отказ иммигрантов от своей этнокультурной принадлежности не способствует их адаптации, тогда как сохранение позитивной этнической идентичности выступает одним из показателей успешной интеграции в принимающее сообщество (Paat & Pellebon, 2012; Phinney, Horenczyk, Liebkind, & Vedder, 2001).

Границы российского государства также многократно претерпевали существенные изменения. В этой связи интерес вызывает изучение этнических и идентификационных процессов в пределах так называемых «новых границ» со странами СНГ и Европы. Исследования данных территорий, как правило, осуществляются с точки зрения развития приграничного сотрудничества и изучения новых границ, проходящих по ранее единому экономическому и политическому пространству (Faranda & Nolle, 2011; Brednikova & Voronkov, 1999; Kolosov, Klemeshev, Zotova, & Sebentsov, 2015).

Однако определенный научный интерес имеет исследование процессов формирования этнической идентичности в пограничных территориях, границы которых оставались неизменными на протяжении длительного времени. Россия исторически крупнейшее полиэтничное государство в мире, субъекты которого значительно отличаются друг от друга по ряду параметров. Среди них не только административно-территориальное положение и правовой статус, но и социально-экономическое развитие, этнический состав и др. Современные регионы представляют собой уникальные территориальные, социально-экономические, социокультурные системы. В этой связи приграничные регионы могут рассматриваться как особые объекты анализа. Кристаллинский (2013) на основе данных переписей населения приходит

к выводу, что приграничные территории существенно отличаются по национальному составу от внутренних регионов страны, и отмечает тенденцию сокращения русского населения данных территорий. Как правило, большинство приграничных регионов имеет полиэтничный состав населения, а многие — территории коренного проживания тех или иных национальностей. С этой точки зрения формирование этнической идентичности населения данных регионов может иметь свои особенности.

Теоретическая модель этнической идентичности

Этническая идентичность может быть оценена через различные показатели. Этническая идентичность как динамическое состояние в контексте аккультурации согласно Schönprflug (2002: 4) может определяться тремя компонентами: 1) степенью включения в группу культурного происхождения; 2) склонностью к ассимиляции с этнической группой происхождения; 3) тенденцией к дифференциации от собственной этнической группы.

Phinney & Ong (2007: 272) в качестве компонентов этнической идентичности рассматривают самокатегоризацию, чувство принадлежности (commitment), этническое поведение, оценку своей группы (положительную или отрицательную), этнические ценности и убеждения, важность или значимость членства в группах и соотношение этнической и национальной идентичностей. Örkény & Székelyi (2016) в структуре этнической идентичности выделяют когнитивный и аффективный компоненты, связанные с близостью к этнической диаспоре, стране происхождения, чувством гордости, отношением к доминирующей этнической группе принимающего сообщества.

В структуре этнической идентичности нами было выделено три компонента: эмоциональный, когнитивный и поведенческий.

Эмоциональный компонент связан с оценкой качеств собственной группы и принадлежности к определенному этносу, значимостью членства в нем. Данный компонент оценивался утверждениями «я горжусь тем, что я принадлежу к своей этнической группе», «то, что я принадлежу к своей этнической группе, причиняет мне неудобства», «принадлежать к культуре моей этнической группы — счастье для меня», «мне приятно, что я представитель своей этнической группы».

Когнитивный компонент — представления об особенностях своей этнической группы и осознание себя ее членом на основе определенных признаков. Когнитивный компонент составили утверждения «я считаю себя представителем своей этнической группы», «я ощущаю себя частью культуры своей этнической группы».

Поведенческий компонент отражает готовность человека действовать в качестве представителя своей этнической группы. Этот компонент представлен утверждением «я разделяю идеи и убеждения своей этнической группы».

Согласно нашей гипотезе этническая идентичность может определяться особенностями этнического состава территории (разным соотношением численности отдельных этнических групп). Учитывая, что результаты некоторых исследований показывают, что восприятие этнической напряженности и личный опыт дискриминации могут выступать индикатором для сохранения этнической идентичности (Waechter, 2016), мы также предположили, что этническая идентичность может быть обусловлена характером межэтнических взаимодействий.

Для оценки этнических процессов, происходящих в конкретной местности, и особенностей межэтнических коммуникаций были выделены показатели проявления толерантного, уважительного или конфликтного отношения к представителям различных этносов и характеристики управления в сфере межэтнических отношений в регионе проживания. Данные признаки оценивались в соответствии со степенью выраженности по 10-балльной шкале от самой низкой «1» (наименее выражено) до самой высокой «10» (наиболее выражено) степени проявления.

Показателем толерантного отношения служили индикаторы: дружба между представителями разных национальностей; уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей; помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности; уважительное отношение к представителям другой национальности; осуждение проявлений национализма.

Конфликтное отношение оценивалось индикаторами: предрассудки, мешающие установлению дружеских отношений; недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности; соперничество за лидерство между представителями разных национальностей; психологическое давление (оскорбления по национальному признаку, угрозы); хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие (избиение, драки); осуждение межнациональных браков; недружелюбные высказывания о людях иной веры.

Эффективность управления в области государственной национальной политики оценивалась с помощью следующих индикаторов и утверждений: контроль за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики; поддержка развития культуры и традиций представителей разных национальностей; поддержка национально-культурных общественных объединений; поддержка конфессий, религиозных организаций; справедливое распределение должностей, различных благ для любых национальностей; диалог государства и этнических диаспор, национальных меньшинств при принятии значимых решений ведется эффективно и публично; администрация региона успешно разрешает возникающие конфликты в сфере межэтнических отношений; сформирована эффективная система управления реализацией государственной национальной политики в регионе; органы власти бескомпромиссно и на деле отстаивают интересы всех жителей независимо от национальности и вероисповедания.

Материалы и методы

С целью исследования этнической идентичности населения приграничных территорий Российской Федерации была построена модель бинарной логистической регрессии. Данная модель строилась на основе результатов социологического опроса 4437 жителей 9 приграничных регионов России. В Алтайском крае выборка исследования составила 600 человек, в Забайкальском крае — 399, в Кемеровской и Омской областях по 400, в Оренбургской области — 397, в Республике Алтай — 423, в Амурской области — 578, в Еврейской АО — 585, в Республике Карелия — 655 человек. Среди них 45,9% мужчин и 54,1% женщин, 69,3% городских жителей и 30,7% — сельских. В каждом из регионов прак-

тически в равной мере представлены как мужчины, так и женщины, городское и сельское население.

В соответствии с выдвинутой гипотезой о возможном влиянии особенностей этнического состава на формирование этнической идентичности исследуемые регионы были разделены на три группы в зависимости от общей численности населения, указавших в ходе проведения Всероссийской переписи населения в графе национальность вариант «русские». Ввиду того что большинство регионов Российской Федерации являются поликультурными, но русские составляют этнокультурное ядро российской нации, в основу выделения групп был положен именно этот показатель, отражающий различное соотношение этнических групп. Первую группу составили регионы с преобладанием «русского» населения: Амурская область (94,33%), Алтайский край (93,92%), Еврейская АО (92,74%). Во вторую группу вошли Забайкальский край (89,9%), Кемеровская область (93,7%) и Омская область (85,83%). Третью группу с самой низкой численностью «русского» населения составили Республика Алтай (56,63%), Республика Карелия (82,19%) и Оренбургская область (75,88%).

В каждой из данных групп была построена модель бинарной логистической регрессии, позволяющая оценить вероятность возникновения некоторого события по значениям множества признаков, в данном случае — вероятность попадания в группу с невыраженной или выраженной этнической идентичностью. Модель бинарной логистической регрессии этнической идентичности в первой группе описывает 89,7% общей дисперсии переменных, во второй группе — 83,7% общей дисперсии переменных, в третьей — 80,7%. На основе коэффициента логистической регрессии с достоверным уровнем значимости $p \leq 0,05$, можно говорить о том, что определенные факторы способствуют актуализации чувства принадлежности к определенной этнической группе.

Результаты и обсуждение

Модель бинарной логистической регрессии этнической идентичности первой группы

Этническая идентичность населения регионов с преобладанием «русского» населения в результате построения модели бинарной логистической регрессии представлена тремя выделенными компонентами. При этом следует отметить, что наиболее значимым фактором является включение человека в этнокультурное пространство своего этноса (данный показатель вошел в модель с максимальными значениями по статистике Вальда и уровнем значимости $p = 0,0001$). Эмоциональная составляющая этнической идентичности имеет положительную направленность, о чем свидетельствует попадание в модель с отрицательными значениями коэффициента регрессии утверждения «то, что я принадлежу к своей этнической группе, причиняет мне неудобства» ($p = 0,024$) и утверждения «мне приятно, что я представитель своей этнической группы» ($p = 0,011$). Выраженная этническая идентичность также коррелирует с положительными оценками утверждений «я разделяю идеи и убеждения своей этнической группы» ($p = 0,009$) и, таким образом, предполагает поведенческий аспект проявления.

В результате регрессионного анализа в регионах первой группы была установлена связь этнической идентичности и возраста респондента ($p = 0,006$). С увеличением значений по шкале возраст повышается вероятность актуализации этнической идентификации. Таким образом, этническая идентичность людей старшего поколения в целом является более выраженной по сравнению с младшей и средней возрастной группой.

В модель бинарной логистической регрессии регионов первой группы вошло большое количество показателей деятельности органов государственной власти по реализации национальной политики и оценка ее эффективности. В целом тот факт, что данные утверждения вошли в модель бинарной регрессии с отрицательными и положительными значениями, свидетельствует о том, что для людей с выраженной этнической идентичностью существенное значение имеет деятельность органов государственной власти по регулированию межнациональных отношений и поддержке представителей различных национальностей. Однако оценка данной деятельности достаточна противоречива. С одной стороны, в модель попали индикаторы, отражающие положительные тенденции, а именно: учет интересов всех жителей независимо от национальности и вероисповедания ($p = 0,005$), поддержка развития культуры и традиций представителей разных национальностей ($p = 0,021$), осуждение проявлений национализма в обществе ($p = 0,006$). С другой стороны — негативные показатели: отсутствие поддержки национально-культурных общественных объединений ($p = 0,002$), слабый контроль за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики ($p = 0,008$).

Кроме того, в модель вошел ряд показателей враждебности в сфере межэтнических отношений. Среди них: осуждение межнациональных браков ($p = 0,005$), наличие предрассудков, мешающих установлению дружеских отношений ($p = 0,011$), недружелюбные высказывания о людях иной веры ($p = 0,011$), отсутствие уважения к обычаям, традициям и языку иных национальностей ($p = 0,005$). Увеличение значений выраженности данных шкал повышает вероятность акцентуации этнической идентификации и способствует осознанию человеком своей этнической принадлежности.

Распространенность в обществе подобных проявлений приводит к тому, что люди с выраженной этнической идентичностью чаще допускают возможность возникновения массовых кровопролитных столкновений на национальной почве в местах проживания ($p = 0,011$) и негативно оценивают отношения между людьми различных вероисповеданий в своем населенном пункте ($p = 0,02$).

При этом этническая идентичность коррелирует с толерантными установками по отношению к представителям других национальностей. Респонденты с выраженным чувством этнической принадлежности не считают, что какие-либо этнические группы имеют слишком много влияния в России ($p = 0,03$) и чаще отмечают наличие народного единства ($p = 0,008$) (табл. 1).

Модель бинарной логистической регрессии этнической идентичности
в Алтайском крае, Амурской области, Еврейской АО

Переменная	Коэффициенты логистической регрессии		
	В	Вальд	р
Утверждение «Я ощущаю себя частью культуры своей этнической группы», вариант ответа «абсолютно согласен»	7,176	13,466	0,0001
Утверждение «Я разделяю идеи и убеждения своей этнической группы», вариант ответа «абсолютно согласен»	2,037	6,856	0,009
Утверждение «Мне приятно, что я представитель своей этнической группы», вариант ответа «абсолютно согласен»	3,243	6,501	0,011
Утверждение «То, что я принадлежу к своей этнической группе, причиняет мне неудобства»: вариант ответа «абсолютно не согласен»	-1,416	5,071	0,024
Возраст: старшая возрастная группа	3,632	7,662	0,006
Поддержка национально-культурных общественных объединений: вариант ответа «наименее выражено»	-2,640	9,22	0,002
Уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей: вариант ответа «наименее выражено»	-1,446	7,966	0,005
Осуждение межнациональных браков: вариант ответа «наиболее выражено»	1,139	7,971	0,005
Предрассудки, мешающие установлению дружеских отношений: вариант ответа «наиболее выражено»	1,437	6,533	0,011
Недружелюбные высказывания о людях иной веры: вариант ответа «наиболее выражено»	-0,416	6,454	0,011
Контроль за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики: вариант ответа «наименее выражено»	-1,295	7,027	0,008
Утверждение «Органы власти бескомпромиссно и на деле отстаивают интересы всех жителей независимо от национальности и вероисповедания»: вариант ответа «наиболее выражено»	1,410	7,886	0,005
Осуждение проявлений национализма: вариант ответа «наиболее выражено»	1,062	7,408	0,006
Поддержка развития культуры и традиций представителей разных национальностей: вариант ответа «наиболее выражено»	1,194	5,308	0,021
Есть ли в России, по Вашему мнению, сегодня народное единство или нет: вариант ответа «скорее есть»	-0,054	7,003	0,008
Возможны ли в настоящее время массовые кровопролитные столкновения на национальной почве в том месте, где вы живете: варианты ответа «скорее да, определенно да»	-0,105	6,447	0,011

Переменная	Коэффициенты логистической регрессии		
	В	Вальд	р
Каковы, на Ваш взгляд, отношения между людьми различных вероисповеданий в населенном пункте, в котором Вы живете: варианты ответа «напряженные, конфликтные, взрывоопасные»	0,079	5,447	0,02
В какой мере Вы согласны или не согласны с тем, что определенные этнические группы имеют слишком много влияния в нашей стране: варианты ответа «скорее нет, определено нет»	0,038	4,737	0,03

Примечание: В — коэффициент регрессии, Вальд — статистика Вальда, р — уровень значимости.

Модель бинарной логистической регрессии этнической идентичности второй группы

Модель бинарной логистической регрессии второй группы в целом сходна с описанной выше. Этническая идентичность населения данных регионов также представлена когнитивным и эмоциональным компонентами. Определяющим фактором при этом является включение человека в культуру своей этнической группы, данный показатель вошел в регрессионную модель со значимостью $p = 0,001$. Выраженная этническая идентичность респондентов данной группы также является достаточно позитивной и «комфортной», об этом свидетельствует попадание в модель с отрицательными коэффициентами утверждения «то, что я принадлежу к своей этнической группе, причиняет мне неудобства» ($p = 0,005$) и положительные значения по утверждению «мне приятно, что я представитель своей этнической группы» ($0,004$).

В результате построения регрессионной модели также была установлена связь выраженной этнической идентичности и типа населенного пункта проживания респондентов ($p = 0,006$). Вероятность попадания в группу с выраженной этнической идентичностью выше у жителей крупных городов с населением свыше 500 тыс. Таким образом, именно в крупных городах, отличающихся разнообразным этническим составом, человек отчетливее осознает этнические различия между людьми и свою этническую принадлежность.

Этническая идентичность населения данной группы сопряжена с толерантными установками по отношению к мигрантам и представителям других национальностей. Респонденты с выраженной этнической идентичностью считают, что не стоит ограничивать приток приезжих в Россию, а напротив, пытаться использовать его на благо страны ($p = 0,005$), а также выступают против ограничения проживания на территории России каких-либо национальностей ($p = 0,011$) (табл. 2).

Модель бинарной логистической регрессии этнической идентичности в Кемеровской области, Забайкальском крае, Омской области

Переменная	Коэффициенты логистической регрессии		
	В	Вальд	Р
Утверждение «Я ощущаю себя частью культуры своей этнической группы», вариант ответа «абсолютно согласен»	4,299	10,595	0,001
Утверждение «Мне приятно, что я представитель своей этнической группы»: вариант ответа «абсолютно согласен»	1,993	8,517	0,004
Утверждение «То, что я принадлежу к своей этнической группе, причиняет мне неудобства»: вариант ответа «абсолютно не согласен»	-2,238	7,79	0,005
Тип поселения: крупный город	6,896	7,43	0,006
Как Вы считаете, следует ли ограничить проживание на территории России всех наций, кроме русской: «не выбрано»	-5,05	6,394	0,011
Как Вы думаете, какой политики должно придерживаться правительство России: пытаться ограничить приток приезжих — или не ставить на его пути никаких административных барьеров и пытаться использовать его на благо России: вариант ответа «не ставить на пути притока приезжих административных барьеров и пытаться использовать его на благо России»	0,051	7,796	0,005

Примечание: В — коэффициент регрессии, Вальд — статистика Вальда, р — уровень значимости.

Модель бинарной логистической регрессии этнической идентичности третьей группы

По результатам регрессионного анализа в регионах с наименьшей численностью русского населения актуализированная этническая идентичность тесно связана с включением в культурную среду своей этнической группы ($p = 0,001$) и этнической гордостью ($p = 0,003$). При этом анализ регрессионной модели показывает, что высокая численность в составе населения представителей различных национальностей в первую очередь способствует актуализации этнической идентификации русского населения исследуемых регионов. Данный индикатор вошел в модель со значимостью $p = 0,057$.

В модель данной группы также вошли показатели состояния межэтнических отношений и деятельности органов государственной власти по реализации национальной политики в регионах. Такие негативные факты, как недружелюбные вы-

сказывания о людях иной веры ($p = 0,031$) и низкая эффективность разрешения конфликтов в сфере межэтнических отношений ($p = 0,03$), значительно увеличивают вероятность попадания в группу с выраженной этнической идентичностью. Однако при этом респонденты с выраженной этнической идентичностью чаще отмечают осуждение проявлений национализма в местах своего проживания ($p = 0,23$) и стремление органов власти отстаивать интересы всех жителей независимо от национальности и вероисповедания ($0,025$) (табл. 3).

Таблица 3

Модель бинарной логистической регрессии этнической идентичности в первой группе Оренбургской области, Республике Алтай, Республике Карелия

Переменная	Коэффициенты логистической регрессии		
	В	Вальд	р
Утверждение «Я ощущаю себя частью культуры своей этнической группы», вариант ответа «абсолютно согласен»	2,036	11,387	0,001
Утверждение «Я горжусь тем, что я принадлежу к своей этнической группе», вариант ответа «абсолютно согласен»	2,533	8,849	0,003
Осуждение проявлений национализма: вариант ответа «наиболее выражено»	0,505	5,180	0,23
Утверждение «Органы власти бескомпромиссно и на деле отстаивают интересы всех жителей независимо от национальности и вероисповедания»: вариант ответа «наиболее выражено»	0,6	5,041	0,025
Утверждение «Администрация региона успешно разрешает возникающие конфликты в сфере межэтнических отношений»: вариант ответа «наименее выражено»	-0,825	4,698	0,03
Недружелюбные высказывания о людях иной веры: вариант ответа «наиболее выражено»	0,732	4,659	0,031
Кем вы себя считаете по национальности, вариант ответа «русский»	-3,036	3,610	0,057

Примечание: В — коэффициент регрессии, Вальд — статистика Вальда, р — уровень значимости.

Заключение

Построение модели этнической идентичности позволило определить общие механизмы идентификации населения приграничных регионов России и определить межрегиональные особенности. Данные показывают, что этническая идентичность может быть прямо измерена через выраженность ее компонентов (эмоционального, когнитивного и поведенческого). При этом выраженная этническая идентичность населения всех

исследуемых регионов в первую очередь связана с когнитивным аспектом, а именно включением человека в культурное пространство своей этнической группы. Таким образом, национальная культура — важнейший признак, по которому происходит отождествление с собственной этнической группой и отделение от других. Этническая идентичность населения исследуемых регионов также во многом является позитивной и бесконфликтной, оценка собственной этнической принадлежности респондентов связана с переживанием положительных чувств и отрицанием каких-либо неудобств.

Этническая идентичность может быть обусловлена определенными социально-демографическими характеристиками, среди которых возраст респондента и тип поселения. Этническая идентичность респондентов старшего поколения и жителей крупных городов в целом является более актуализированной.

Выявлена взаимосвязь актуализированной этнической идентичности и состояния сферы межэтнических отношений. Наличие в обществе фактов дискриминации, враждебности и предрассудков способствует осознанию индивидом своей этнической принадлежности. Несмотря на это респонденты с выраженной этнической идентичностью характеризуются толерантными установками по отношению к мигрантам и представителям других национальностей.

Межрегиональные особенности проявления этнической идентичности проявляются в регионах с разным соотношением численности этнокультурных групп. Этническая идентичность населения наиболее полиэтничных регионов связана с высокими показателями этнической гордости. Ярко выраженные этнические различия между населением данных регионов, вероятно, обуславливают процесс формирования этнической идентичности через противопоставление своей и других этнических групп. При этом актуализация этнической принадлежности происходит в первую очередь у русского населения данных регионов. В регионах, где русские составляют большинство, в свою очередь, более выражены эмоциональный и поведенческий аспект идентификации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кристаллинский Л.Б. Пограничное пространство России: современные особенности и динамика изменения этнического состава. Вестник Поволжского института управления, 2013, 5(38), 18–23.

Berry J.W. Immigration, Acculturation, and Adaptation. *Applied psychology: an international review*, 1997, 46 (1), 5–34.

Brednikova O., Voronkov V. Border and Social Space Restructuring (The Case of Narva-Ivangorod). In: *Nomadic Borders. Proceedings of the Seminar Held in Narva (12-16 November 1998)*. St. Petersburg: CISR. Working Papers no 7, 1999. pp. 104–110.

Cebotari V. Civic, ethnic, hybrid and atomized identities in Central and Eastern Europe. *Identities*, 2016, 23:6, 648-666. doi: 10.1080/1070289X.2015.1059338

Faranda R., Nolle D.B. Boundaries of ethnic identity in Central Asia: titular and Russian perceptions of ethnic commonalities in Kazakhstan and Kyrgyzstan. *Ethnic and Racial Studies*, 2011, 34:4, 620–642. doi: 10.1080/01419870.2010.516004

- Hansen H.E., Hesli V.L. National Identity: Civic, Ethnic, Hybrid, and Atomised Individuals. *Europe-Asia Studies*, 2009, 61:1, 1–28. doi: 10.1080/09668130802532894
- Kolosov V.A., Klemeshev A.P., Zotova M.V., Sebentsov A.B. Russia-European Union Borderlands: Transboundary Gradients, Interactions and Current Challenges. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 2015, 5 (Special Issue), 5-12.
- La Barbera F., Capone V. Five Dimensions of European Identity: A Contribution to the Italian Adaptation and Validation of the In-Group Identification Scale. *Europe's Journal of Psychology*, 2016, vol. 12(2), 288–303. doi:10.5964/ejop.v12i2.1058
- Lazić M., Pešić J. Components of national identities — a comparative sociological analysis. *Corvinus journal of sociology and social policy*, 2016, vol. 7: 1, 27-49. doi: 10.14267/CJSSP.2016.01.02
- Maximova S., Noyanzina O., Omelchenko D., Goncharova N., Maximov M., Surtaeva O. Sociological monitoring of interethnic relations. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2016, 219, 534–540. doi: 10.1016/j.sbspro.2016.05.031
- Noyanzina O., Maximova S., Goncharova N., Omelchenko D., Avdeeva G. Interethnic Generalizations and Stereotypes In Mental Representations of Image of ‘The Other’ in Social Representations of Russian Population. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2015, 185, 179–184. doi: 10.1016/j.sbspro.2015.03.425
- Örkény A., Székelyi M. Constructing border ethnic identities along the frontier of Central and Eastern Europe. *Identities*, 2016, 23:6, 667-685. DOI: 10.1080/1070289X.2015.1059342.
- Paat, Y.-F., & Pellebon D. (2012). Ethnic Identity Formation of Immigrant Children and Implications for Practice. *Child & Youth Services*, 33:2, 127–145. doi: 10.1080/0145935X.2012.704785
- Phinney J.S., Ong A.D. Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions. *Journal of Counseling Psychology*, 2007, vol. 54, no 3, 271–281. doi: 10.1037/0022-0167.54.3.271
- Phinney J.S., Horenczyk G., Liebkind K., Vedder P. Ethnic identity, Immigration, and Well-Being: An Interactional Perspective. *Journal of Social Issues*, 2001, vol. 57, no 3, 493–510.
- Schönpflug U. Acculturation, Ethnic Identity, and Coping. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2002, 8(1). <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1068>
- Waechter N. Introduction to the construction and the interplay of European, national and ethnic identities in Central and Eastern Europe. *Identities*, 2016, 23:6, 630–647. doi: 10.1080/1070289X.2015.1059343.

REFERENCES

- Kristalinskij, L.B. (2013). Pograničnoe prostranstvo Rossii: sovremennye osobennosti i dinamika izmeneniya ehtnicheskogo sostava [Cross-border space of Russia: contemporary peculiarities and dynamics of changes in ethnic composition]. *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 5(38), 18–23.
- Berry, J.W. (1997). Immigration, Acculturation, and Adaptation. *Applied psychology: an international review*, 46 (1), 5–34.

- Brednikova, O., & Voronkov, V. Border and Social Space Restructuring (The Case of Narva-Ivangorod). In: *Nomadic Borders. Proceedings of the Seminar Held in Narva (12-16 November 1998)*. St. Petersburg: CISR. Working Papers no 7, 1999. pp. 104–110.
- Cebotari, V. (2016). Civic, ethnic, hybrid and atomized identities in Central and Eastern Europe. *Identities*, 23:6, 648-666. doi: 10.1080/1070289X.2015.1059338
- Faranda, R., & Nolle D.B. (2011). Boundaries of ethnic identity in Central Asia: titular and Russian perceptions of ethnic commonalities in Kazakhstan and Kyrgyzstan. *Ethnic and Racial Studies*, 34:4, 620-642. doi: 10.1080/01419870.2010.516004
- Hansen, H.E., & Hesli, V.L. (2009). National Identity: Civic, Ethnic, Hybrid, and Atomised Individuals. *Europe-Asia Studies*, 61:1, 1-28. doi: 10.1080/09668130802532894
- Kolosov, V.A., Klemeshev, A.P., Zotova, M.V., & Sebentsov A.B. (2015). Russia-European Union Borderlands: Transboundary Gradients, Interactions and Current Challenges. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 5 (Special Issue), 5–12.
- La Barbera, F., & Capone, V. (2016). Five Dimensions of European Identity: A Contribution to the Italian Adaptation and Validation of the In-Group Identification Scale. *Europe's Journal of Psychology*, vol. 12(2), 288–303. doi:10.5964/ejop.v12i2.1058
- Lazić, M., & Pešić, J. (2016). Components of national identities — a comparative sociological analysis. *Corvinus journal of sociology and social policy*, vol. 7: 1, 27–49. doi: 10.14267/CJSSP.2016.01.02
- Maximova, S., Noyanzina, O., Omelchenko, D., Goncharova, N., Maximov, M., & Surtaeva, O. (2016). Sociological monitoring of interethnic relations. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 219, 534–540. doi: 10.1016/j.sbspro.2016.05.031
- Noyanzina, O., Maximova, S., Goncharova, N., Omelchenko, D., & Avdeeva, G. (2015). Interethnic Generalizations and Stereotypes In Mental Representations of Image of 'The Other' in Social Representations of Russian Population. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 185, 179–184. doi: 10.1016/j.sbspro.2015.03.425
- Örkény, A., & Székelyi, M. (2016). Constructing border ethnic identities along the frontier of Central and Eastern Europe. *Identities*, 23:6, 667-685. DOI: 10.1080/1070289X.2015.1059342.
- Paat, Y.-F., & Pellebon D. (2012). Ethnic Identity Formation of Immigrant Children and Implications for Practice. *Child & Youth Services*, 33:2, 127-145. doi: 10.1080/0145935X.2012.704785
- Phinney, J.S., & Ong, A.D. (2007). Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions. *Journal of Counseling Psychology*, vol. 54, no 3, 271–281. doi: 10.1037/0022-0167.54.3.271
- Phinney, J.S., Horenczyk, G., Liebkind, K., & Vedder, P. (2001). Ethnic identity, Immigration, and Well-Being: An Interactional Perspective. *Journal of Social Issues*, vol. 57, no 3, 493–510.
- Schönpflug, U. (2002). Acculturation, Ethnic Identity, and Coping. *Online Readings in Psychology and Culture*, 8(1). <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1068>
- Waechter, N. (2016). Introduction to the construction and the interplay of European, national and ethnic identities in Central and Eastern Europe. *Identities*, 23:6, 630-647. doi: 10.1080/1070289X.2015.1059343.